

Глава 39. Дерево инструментов

Появление ночного кошмара создало патовую ситуацию, но возникла она из-за неожиданности, а не реального равенства сил.

Если точнее — лишь из-за временного замешательства Тюра.

Теперь же раздражение в его глазах постепенно рассеивалось, уступая место привычному холодному спокойствию.

— Мне не нравятся те, кто ищет лазейки. Независимо от того, как ты его пронёс и приручил, если думаешь, что это произведёт впечатление, ты ошибся.

Тан Линь с невинным видом:

— Я никогда не заявлял о своей исключительности. Раз ты сам это подчеркиваешь, видимо, всё же впечатлён.

...

После паузы Тюр неожиданно ухмыльнулся:

— Действительно необычно. Но недостаточно.

Этих четырёх слов хватило, чтобы вынести приговор.

Тан Линь не стал тратить время на споры.

Боль снова накатила волной, но его мысли были заняты ножом у голени — тем самым, что дал ему Фань Пэйян.

Под брюками его было не видно, но с каждым движением он чувствовал его присутствие.

В открытом бою с Тюром шансов не было. Значит, использовать нож будет лишь один шанс. И этот шанс должен привести к победе.

Кошмар, почуяв угрозу, выгнул спину и завыл:

— Ау-у-у —

Вой эхом разнёсся по вагону.

Тюр в мгновение ока оказался перед ним и нанёс удар.

Тень рассыпалась в туман, избежав атаки, затем вновь обрела форму и вцепилась в его ногу.

— Ни один кошмар не оставлял на мне следов. — холодно заметил Тюр. — Тебе повезло стать первым, но на этом стоит остановиться.

Его вторая нога уже летела в тень.

— А-а-у —

С воем тень отлетела к противоположной стене.

Тан Линю стало больно.

Ну отпустил бы! Не отпустил — не смог рассеяться и получил удар. Глупо же...

Но сожаление не помешало ему атаковать.

Кошмар купил ему этот шанс ценной собственной «шкуры».

Пока Тюр следил за тенью, Тан Линь выхватил нож и нанёс горизонтальный удар по шее.

Дважды он целился в самое уязвимое — только так можно было выжить против такого врага.

Зрители затаили дыхание.

Тюр всё ещё смотрел в сторону — увернуться невозможно!

Но в следующее мгновение они поняли: «невозможно» для Тюра не существует.

Не глядя, он поймал руку Тан Линя и сломал её.

Хруст кости прозвучал на весь вагон.

Лицо Тан Линя побелело, но он не издал ни звука.

Нож выпал из руки.

Тюр подхватил его другой рукой:

— Прощай.

Лезвие направилось прямо в сердце.

Но чёрная тень бросилась наперерез, приняв удар на себя.

Нож целиком вошёл в её тело.

Рык звучал скорее, как угроза, чем крик боли.

Тюр без эмоций довёл лезвие до конца.

Хотя это была лишь тень, всем показалось, что они видят, как вспарывают живот живому волку.

Причём ножом Тан Линя.

Рык становился всё тише, пока не стих совсем.

Тюр стряхнул тень с клинка, будто шкуру.

Тан Линь бросился на него, забыв про сломанную руку, как обезумевший зверь!

Тюр уже готов был встретить его лезвием.

Но тогда тень на полу распалась на туман с фиолетовыми искрами.

Тюр замер.

Мёртвые кошмары исчезают — это нормально. Но откуда фиолетовый свет...

Туман вдруг собрался в тонкую ленту и впрыгнул в руку Тан Линя — ту самую, со сломанной костью и совой.

Никто не успел среагировать.

Туман исчез, а татуировка начала бешено мигать.

Тан Линь почувствовал жгучую силу, а в сознании проступило дерево инструментов с надписью у самых корней:

[Теневой волк]*

* 狼影幢幢 (láng yǐng chuáng chuáng) - букв. Повсюду виднеются тени волков.

Сосредоточившись, он активировал способность.

Поле боя заполнил чёрный туман — плотный, живой, будто сотни теней сплелись воедино.

Зрители ничего не видели. Даже Тюр потерял ориентацию.

Лишь Тан Линь различал каждую деталь, будто смотрел на равнину ясным днём.

Не дав Тюру опомниться, он здоровой рукой перехватил его запястье, направляя клинок в шею противника.

Тюр не ожидал такого.

Он ломал голову: как это возможно? В зоне боя запрещены одноразовые принадлежности — это закон первого вагона. Значит, Тан Линь использовал способность. Но несколько минут назад у него её не было!

Пока он размышлял, лезвие уже коснулось кожи.

Тюру пришлось подставить руку.

Лезвие рассекло рукав.

Этого хватило, чтобы вырваться.

Но Тан Линь знал — шансов больше не будет.

Даже без зрения Тюр мог убить его одним движением.

Тюр тоже это понимал.

Но передумал.

— Прошёл.

Зрители ещё пялились в туман, когда из него раздалось это слово.

Затем снова повисла тишина.

Ни Тюр, ни Тан Линь не говорили ни слова.

Наконец Тюр не выдержал:

— Чем бы ты ни пользовался — хватит.

Состязание «кто первый заговорит — тот проиграл» завершилось его поражением.

Туман рассеялся, собравшись в знакомую тень, которая тут же принялась тереться о ноги Тан Линя, словно выпрашивая похвалу.

Он хотел улыбнуться, но в глазах выступили слёзы.

Это была всего лишь тень — неосязаемая и эфемерная.

Сделав глубокий вдох, Тан Линь подавил эмоции, вновь став невозмутимым.

Способность отключилась.

Тень вернулась в татуировку, заставив её мигнуть.

Все пребывали в шоке.

Кошмар же был мёртв! Как он воскрес? И как оказался внутри Тан Линя? А этот туман? Одна тень не могла создать такую тьму!

Даже порванный рукав Тюра казался мелочью на этом фоне.

У самого Тюра тоже были вопросы. Вместо раздумий он схватил сломанную руку Тан Линя и активировал интерфейс.

Боль заставила Тан Линя задрожать.

Но то, что он увидел, шокировало его не меньше.

Внутри интерфейса у корней дерева инструментов действительно появилась первая постоянная принадлежность [Теневой волк], но не на изначальном древе, а на новом, втором, которое выросло рядом.

А то самое первое по-прежнему упрямилось, давая листья, и никаких плодов.

Тан Линь поднял глаза, вопросительно глядя на Тюра в ожидании объяснений.

Но Тюр в ответ лишь поднял бровь с тем же немим вопросом.

— Только не говори, что и сам не понимаешь. — в глазах Тан Линя мелькнула лёгкая насмешка.

Тюр вдруг осознал, почему этот человек сошёлся с тем, кто за прозрачной стеной смотрел на него, как хищник. Один давил силой, другой — язвительностью. Две крайности, но одинаково эффективно доводящие до белого каления.

— Ночной кошмар по сути своей — энергетическая субстанция, поэтому может существовать и в форме тени, и в форме тумана. Но на самом деле, вариантов куда больше. Не знаю, как ты заставил его привязаться к тебе, но теперь он продолжает жить в тебе, просто в иной форме.

Тюр говорил уверенно, хотя лишь первая часть была фактом, остальное лишь догадки. Но терпеть насмешки от участника он не собирался — авторитет нужно было подтвердить...

— Ты сам гадаешь. — авторитет рухнул.

Тан Линь опустил взгляд на способность, и в голосе неожиданно прозвучала теплота:

— Но, похоже, ты близок к истине.

Тень осталась с ним. Теперь не нужно прятаться в складках одежды — она стала частью его самого.

Отныне он будет носить её с собой везде.

— Моё изначальное древо инструментов всё ещё может развиваться? — Тан Линь поднял глаза.

Изначальное?

Зрители переглянулись — что он имеет в виду?

— Мне тоже интересно. — Тюр не врал. — За все годы существования испытаний я не встречал участников с двумя древами.

Тан Линь:

— Ты говоришь об этом уровне или обо всех?

— Обо всех. Так что... — Тюр понизил голос, и его слова прозвучали скорее, как угроза, чем пожелание, — Постарайся не умереть.

Он провёл пальцами по воздуху.

Должно быть, перед ним возник интерфейс, но на этот раз его видел только он. Зрители наблюдали, как он тыкает в пустоту.

Затем Тан Линя окутал золотистый свет.

Все остолбенели — исцеляющая принадлежность? Слишком щедро для «послепродажного обслуживания»!

Тан Линь не успел опомниться, как тепло разлилось по телу, унося с собой всю боль.

Когда свет рассеялся, он почувствовал себя так, будто проснулся в ясное утро — свежим и отдохнувшим.

Прозрачная стена исчезла.

Зрители тут же оживились.

Пятидесятник:

— Два дерева? Серьёзно?

Монах:

— Дай посмотреть...

Чжоу Юньхуэй:

— Да ты тёмная лошадка! Кошмара, вон, с собой притащил.

Таньхуа:

— Поделись секретом, как повторить твой успех.

Цуй Чжань:

— Дрался, как бешеный. Мне нравится...

Тан Линь проигнорировал любопытных и подошёл к Фань Пэйяну.

Тот сидел, абсолютно бесстрастный, даже не глядя на него — словно не он только что прожигал стену взглядом.

Но на полу, где он стоял, алела крошечная капля крови.

Она упала с его правой руки, оставив миниатюрный цветок на полу.

Тан Линь потянулся к его карману.

Фань Пэйян резко дёрнулся — не чтобы уклониться, а, чтобы дать понять: не трогай. Его взгляд был холоден, а аура настолько плотной, что, казалось, могла порезать.

Тан Линь знал — он зол.

На его месте он бы тоже злился. Это чувство беспомощности, когда кто-то рядом в опасности, способно свести с ума.

Но даже зная это, он не стал бы действовать иначе.

Два лёгких касания и тот же золотистый свет окутал Фань Пэйяна.

Боль в руке исчезла.

Фань Пэйян резко поднял голову, уверенный, что Тан Линь намеренно испытывает его терпение:

— Ты использовал на мне исцеляющую принадлежность?

Пустяковая царапина, а он потратил на неё единственное средство.

Тан Линь приподнял бровь:

— Где конкретика? То ли «на мне» — плохо, то ли «принадлежность» — плохо?

Фань Пэйян:

— ...И то, и другое.

То, что он ещё не начал скрипеть зубами уже было верхом самообладания.

Тан Линь усмехнулся, и его голос прозвучал, как весёлый всплеск воды:

— Уже использовал. Надо было говорить раньше.

Фань Пэйян: «...»

Пока тот искал достойный ответ, Тан Линь ловко вытащил его руку из кармана.

Ладонь была в ссадинах — вот как сильно он сжимал кулаки.

Иллюзорный предмет лишь притупил боль, но не залечил раны. Впрочем, такие царапины и не требовали лечения, они уже начали затягиваться.

Фань Пэйян сдерживал бурю внутри, ожидая, что Тан Линь хотя бы проявит раскаяние.

Но тот лишь серьёзно посмотрел ему в глаза:

— Ты заставил меня потратить ценный предмет. Раз уж так, теперь ты просто обязан размазать

Тюра по полу.

<http://bllate.org/book/14520/1285969>